

И. Прусс

Друзья-приятели

Дружба, как совершенно справедливо замечает Ирина Шмерлина в своей статье “Дружба как духовная и социальная реальность”¹, – материя тонкая и малоизученная, так что посвятить этой теме значительную по объему статью – дело естественное. Есть что обсудить. Например, чем дружба отличается от других типов межличностных отношений; каковы ее функции в современном обществе; на каких социально-психологических механизмах она держится; какое место занимает на шкале ценностей современных россиян.

Я позволю себе просто порассуждать “на заданную тему”, опираясь на статью Ирины Шмерлиной и приведенные в ней высказывания респондентов, на другие тексты на эту же тему, которые приходят на ум. Это не исследование, я не ученый, у меня нет обязательств давать исчерпывающий обзор литературы, и все же я приношу извинения за то, что список предъявленных идей и исследований будет заведомо неполон. Впрочем, думаю, он достаточен для нескольких мыслей по поводу дружбы как социального института и социально-психологического феномена.

“Ты мне друг или кто?”

Оказывается, в русском языке, в отличие от других языков мира, есть множество ответов на вопрос “или кто?”

Оставим в стороне родственников и соседей – о них разговор особый. Возьмем только варианты

межличностных неродственных отношений. Австралийская лингвистка польского происхождения Анна Вежбицкая насчитала их пять (вместе с “другом”). Их окажется еще больше, если обратиться к диалектам, сленгу, если взять те же пять понятий, но со сдвигающими смысл определениями... Но пока хватит и пяти.

Что же такое *друг*? Участники исследования, о котором идет речь в статье Ирины Шмерлиной, прежде всего подчеркивали, что дружба – это отношения исключительной близости, вообще отношения исключительные, – противопоставляя их отношениям с приятелями, знакомыми и прочим более или менее близким окружением (“*Это святое!*”; “*Когда для друга готов сделать все, что в твоих силах, и даже больше*”; “*Когда можно жизнь отдать за другого, а остальное – все товарищи...*” и т. д.). Друг с самого начала отделен, выделен в окружении; с ним – отношения особые.

Это подтверждают внимательные наблюдатели, люди иной культуры. Вот что пишет, например, Хедрик Смит в книге “Русские”: “Их [русских] круг общения обычно более узок, нежели круг общения западных людей, особенно американцев, которые придают такое большое значение общественной жизни, но отношения между русскими обычно более интенсивны, требуют большего, оказываются более длительными и часто больше дают людям <...> Они вступают в дружеские отношения лишь с немногими, но этих немногих нежно любят.

¹ Социальная реальность. 2006. №№ 5, 6.

Западные люди находят насыщенность отношений, практикуемых русскими в своем доверительном кругу, и радующей, и утомительной. Русские... ищут себе брата по духу, а не просто собеседника. Им нужен кто-то, кому они могли бы излить душу, с кем можно было бы разделить горе, кому можно было бы поведать о своих семейных трудностях или о неладах с любовником или лю-

Общение с подругой ценно, но не накладывает таких жестких обязательств, не предусматривает такую степень эмоциональной близости, которая характерна для дружбы

бовницей, чтобы облегчить жизненное бремя и не отказывать себе в удовольствии вести бесконечную философскую борьбу с ветряными мельницами. Как журналист я нахожу это несколько щекотливым, поскольку русские требуют от друга полной преданности”.

Такие замечания во множестве рассыпаны в воспоминаниях и очерках иностранцев, которым приходилось подолгу жить в России и много общаться с русскими. Если по высказываниям участников массового опроса и дискуссий на фокус-группах трудно понять, говорят ли они о должном, излагают общепринятое представление о дружбе – или рефлексировать собственный опыт дружеских отношений, то наблюдения иностранцев определенно относятся к поведению, а не к представлениям, к реализуемой практике, в которую их – успешно или безуспешно – пытались вовлечь.

Из многочисленных характеристик дружбы попробуем вслед за исследователями, наблюдателями и участниками опросов и дискуссий на эту тему выделить главные (отмеченные, кстати, и толковыми словарями русского языка): взаимная помощь, поддержка, взаимное доверие, открытость, глубокая эмоциональная связь.

Интересна осторожная оговорка А. Вежбицкой по поводу “духовной близости”, которую приписывает дружбе один из толковых словарей: “не вполне ясно, что под этим понимается”. Исследовательница полагает, что “духовная близость” ука-

зывает “на область моральных суждений”, что “в русской культуре от *друзей* ожидается согласие, когда речь идет о важных вещах, в отношении того, что «хорошо» и что «плохо» <...> Принимая во внимание другие свидетельства того, что для русской культуры важны абсолютные моральные суждения, мысль о том, что моральное единство такого рода считается необходимой составной частью русской «дружбы», кажется привлекательной; однако вопрос о том, действительно ли это необходимый компонент значения слова *друг*, я бы предпочла оставить открытым”.

Обратим внимание: исследовательница подчеркивает, что говорит о дружбе исключительно в понимании русских.

Следующая ступенька в межличностных неродственных отношениях – *подруга*. Это не женский род от слова “друг” (женщина может быть “другом” во всей полноте и эмоциональной насыщенности русского понимания этого слова; “она – мой друг” говорят не так уж редко). Если исключить употребление слова *подруга* как аналог английского *girlfriend* и в устойчивом сочетании “подруга жизни”, *подруги* – женщины, которые вместе участвовали в каких-то общих событиях, провели вместе некий довольно значительный отрезок жизни (*школьные подруги, подруги детства*); общение с *подругой* ценно, но не накладывает таких жестких и всеобъемлющих обязательств, не предусматривает такую степень эмоциональной близости, которая характерна для дружбы. Главное в отношениях с *подругой* – нечто вместе пережитое. Предельная открытость, полное доверие – это к другу; о *подруге* можно даже не быть слишком высокого мнения.

С *приятелем* отношения приятельные, но при определенной дистанции; пожалуй, главное в них – ощущение эмоционального комфорта и возможность приятно провести время. Кстати, ни то, ни другое не обязательно для дружеских отношений: друзья могут “спорить до хрипоты”, могут ссориться (прекрасно отдавая себе отчет в том, что их отношения не прекратятся), могут говорить друг другу весьма неприятные вещи (иначе неосуществимо требование полной открытости). *Приятеля* в таком случае просто “оставят”, сменят его на другого, что обычно

не представляет трудности. Именно *приятелей* и *знакомых* обычно противопоставляют друзьям, о чем свидетельствуют и цитаты, приведенные в статье Ирины Шмерлиной.

Товарищ – не как советский заменитель “сударей” и “господ”, а как определенный тип межличностных отношений – человек, участвующий в одном со мной деле; некоторые словари добавляют к этому еще и общность взглядов, позиций. Это люди общей судьбы, даже не обязательно общей деятельности: “товарищ по несчастью”. Слово это, сильно дискредитированное в советское время, тем не менее не утратило своего первоначального значения, что само по себе симптоматично: значит, в этом понятии есть особая потребность (Вежбицкая называет его одной из русских “фундаментальных категорий”). Мне кажется, оно чаще употребляется во множественном, а не единственном числе, причем

множественное *“товарищи”*, как и в случае с “друзьями”, означает не столько набор разных людей, существующих раздельно вокруг меня, сколько некое более или менее единое множество, то есть это понятие собирательное. Коллеги могут быть – но могут и не быть товарищами, как и однокурсники, одноклассники, участники совместного похода. Отношения между ними необязательно предполагают особую близость и доверительность, характерную для друзей, но непременно предполагают взаимопомощь. Товарищи в горах спасают друг друга, порой сильно рискуя; они собирают деньги, чтобы поддержать не слишком близкого человека, однако товарища по несчастью; рискуя положением, а может, и свободой, они являлись на похороны видного диссидента, не считая при этом себя его друзьями. В таких отношениях особую роль играет солидарность. Вместе с тем выбор товарищей ограничен определенными обстоятельствами, той самой “общностью судьбы”, которая сужает выбор.

Наконец, понятие *знакомый* вряд ли нуждается в особых разъяснениях; заметила бы только, что именно оно чаще других сопровождается определением “хороший знакомый”, “давний знакомый” – чтобы выделить человека из других, не наделяя его вместе с тем особой близостью, особыми правами и обязательствами.

Друг – не friend

В английском языке все это богатство оттенков покрывается одним словом – “friend”. Тем не менее частота употребления слова “друг” в русском намного превосходит частотность “friend” в американском английском (в 1977 году в русском зафиксировано 817 употреблений на 1 миллион, а в американском английском – 298). Много выше в русском и частотность абстрактного существительного “дружба”: 155 против 27 в американском

английском и 8 в английском для слова “friendships”. Ясно, что “друг”, “дружба” – слова из самых важных в русском лексиконе.

Современный американский “друг” – это скорее российский “приятель”: с ним хорошо проводить время, друзей непременно должно быть много, какие-то обязательства по

отношению к другу могут быть – а могут и не быть. В 1974 году американский социолог Паккард провел опрос на эту тему. Он спрашивал, в частности: “Сколько по-настоящему близких друзей (в отличие от случайных знакомых или просто друзей) живет не далее пяти миль от вашего дома?” Так и спрашивал: “really close friends”, чтобы исключить неблизкие и поверхностные отношения. Самих настоящих друзей поблизости от дома американцы насчитали от трех до шести. Сколько же у этих людей было друзей вообще? Тот же Паккард в книге о переездах в Америке пишет: “Человек, который переезжал 16 раз за 22 года брака, утверждал, что приобрел по крайней мере нескольких близких, постоянных друзей в каждом месте”.

Получается, у этого человека таких друзей (тех самых “close friends”, которые обзавелись уточняющим определением, чтобы не путать их с просто друзьями) по меньшей мере 50! Есть и другие свидетельства того, что современный американец считает близких друзей дюжинами...

Для нашего человека выражение “делать друзей” звучит, мягко говоря, диковато; для американца *to make friends* – дело естественное и правильное: обилие friends свидетельствует о твоей популярности, а способность быть популярным ценится в американском обществе.

Но при этом у американцев существует повышенная обязательность по “социальным долгам”; повышенные, по сравнению с нами, обязательства по отношению к незнакомым или малознакомым людям, которым непременно нужно помогать по первому зову; особая ценность сохранения “эмоционального комфорта” любого, даже случайного, собеседника, тем более – коллеги или соседа, поэтому американца с детства учат много улыбаться

и ни в коем случае не говорить неприятных вещей. И ценность отношений жены и мужа (то, что в лексиконе консерваторов обозначается словами “семейные ценности”, но в значительно меньшей, чем у нас, степени распространяется на взрослых детей и престарелых родителей) у американцев, кажется, исключительно высока. Короче говоря, дружба в американской культуре включена в иную по сравнению с нашей структуру отношений (наверное, в английской, французской, уж точно – в японской культуре тоже).

Все это не значит, что дружба как таковая, в нашем ее понимании, у западных людей отсутствует: сами попытки все новыми и новыми дополнительными определениями все-таки произвести некое различие друзей и приятелей говорят о потребности в таких оттенках смысла. Однако можно сказать определенно, что у них нет нашей сосредоточенности на отношениях такого рода, дружеские отношения, по-моему, не имеют высочайшей ценности, как у нас. И дело тут далеко не только и даже не столько в традициях русской культуры, сколько в актуальности этих отношений для нашей жизни – недавней и современной.

Друзья, родственники и соседи

Я журналистка и могу рассказать только об исследованиях, уже проведенных другими людьми. Иногда берет досада: прекрасная тема, а исследования нет, его можно только вообразить. Вот я и хочу вообразить некое исследование о дружбе – может быть, его давно уже провели, только я об этом не знаю; а может, кто-нибудь заинтересуется моими фантазиями и действительно его проведет.

По всем правилам сначала положено описать некий контекст, в котором исследование обретает смысл. Поэтому – немного об общеизвестном.

И Ирина Шмерлина, и участники описываемого ею исследования постоянно сопоставляли дружбу с отношениями между родственниками и соседями. Родственные отношения в таких случаях служат эталоном близости (чрезвычайную близость дружеских связей под-

черкивают, говоря что-то вроде: друг мне ближе родственника), соседские – используются для противопоставления: тоже всегда рядом, а совсем другое дело. Только одна из участниц фокус-группы не без удивления отметила – как отмечают странности жизни первобытных племен – что в деревне соседство считается важнее дружбы. Загните палец: замечание очень важное.

Поначалу эти сопоставления кажутся не слишком корректными, поскольку и сосед может стать другом, а может остаться только знакомым (или незнакомым), и дядя может оказаться по-человечески ближе отца, а в большой многопоколенной патриархальной семье наверняка была представлена богатейшая гамма отношений разной степени близости, откровенности, преданности.

Но как раз эта возможность “вложить” одно в другое, не растворяя, но сохраняя специфику и той, и другой систем отношений говорит о том, что мы имеем дело с системами разной природы, разными структурами, у каждой из которых свои механизмы функционирования, свое назначение, свои задачи и способы их решения.

Что принципиально отличает дружеские отношения от родственных? Родственные отношения не предполагают свободного выбора партнера(ов). Это данность, это системы аскриптивных статусов. Континуум межличностных отношений предполагает нарастание избирательности – от случайного знакомого до товарища по работе, каковым может считаться уже не всякий сослуживец, до приятеля, компании с которым ты всегда можешь предпочесть другую компанию, до подруги, с которой сидел в детском саду на соседних горшках, при этом с другой стороны сидела девочка, имя которой ты не вспомнишь. Наконец, друга – выбирают, в идеале – на всю жизнь, но обязательно выбирают.

Отношения в семье были сильно ритуализованы, а поведение – регламентировано до мелочей. Свободы в старом патриархальном мире, как известно, было намного меньше, чем в современном обществе. Всякого рода эмоционально-психологические тонкости отношений не имели такого значения, как сегодня: предписывались не столько чувства, сколько поступки. Внешний контроль, мгновенные санкции со стороны членов се-

мьи, собственная убежденность в том, что поступать следует, “как принято”, “как деды завещали”, “как учили отец и мать”, обеспечивали воспроизводство этой системы отношений. Человек здесь выступал не сам по себе, но как представитель семьи, клана – то есть общностей, автоматически обеспечивающих ему защиту при столкновении с любыми внешними силами, будь то природный катаклизм или “наезд” со стороны чужаков.

Все это общеизвестно; но есть некоторая неопределенность с ответом на вопрос, насколько в таком патриархальном мире в принципе были возможны собственно межличностные отношения. Они возможны только между личностями – именно потому, что предполагают свободный выбор и личную (а не коллективную) ответственность за взятые на себя обязательства. Значит, ответ зависит от того, считаем ли мы личность, способную на такой выбор и такую ответственность, складывающейся постепенно и в определенных социальных и исторических условиях, – или склоняемся к тому, что способность человека к выбору дана ему изначально, изначально предполагает наличие этой самой личности.

История человечества многократно описана как история постепенного выделения человека из “роевой” жизни племени, общины, как история нарастания его автономности. И среди наиболее популярных сюжетов, иллюстрирующих этот процесс, – судьба соседства как социальной общности.

Помните, палец загибали? Разогните.

Соседи в патриархальной деревне были членами одной общины с совместным владением землей и выборным управлением. Всем миром решали, когда пахать, когда сеять, все знали, как справлять свадьбы и проводить похороны, как праздники отмечать и за девушками ухаживать. Малейшее нарушение тут же замечалось, обсуждалось и осуждалось, и такой жесткий внешний контроль не тяготил, он был в порядке вещей. Зато помимо общих работ предусматривалась и обязательная взаимопомощь. Тоже своего рода страховочная сеть, сотканная из взаимных обязательств и взаимного контроля. Теплый, тесный, душноватый локальный мир, вырвавшийся из которого в большой город, человек

вдруг ощущал себя беззащитным, никому не нужным, брошенным.

В городе тоже были соседи, и в старых городах было соседство как общность, чаще всего подкрепляемая профессиональной цеховой солидарностью, – не зря раньше в городах, как правило, люди одной или смежных профессий селились рядом. Но в ходе постепенной смены внешнего социального контроля на внутренний терялся социальный смысл соседства, с соседней снималась ответственность за каждого члена сообщества. Соседство в мегаполисе становится совокупностью людей, объединенных исключительно местом жительства. Именно поэтому упомянутую выше участницу фокус-группы, горожанку, так удивило, что в деревне соседи могут считаться важнее друзей.

Вытеснение прежних отношений происходит очень постепенно и, если можно так выразиться, неравномерно: одни жители одного и того же дома могут исповедовать старые принципы сообщества, другие – не признавать никаких прав соседней на вмешательство в свою жизнь. Очевидно, что отношения нового типа распространяются от мегаполисов к крупным и средним городам, оттуда – к малым поселениям, оттуда – к деревне; но это опять-таки общий вектор развития, имеющий множество исключений.

Частота употребления слова “друг” в русском намного превосходит частотность “friend” в американском английском (в 1977 году в русском зафиксировано 817 употреблений на 1 миллион, а в американском английском – 298)

Все это вместе составляет пеструю картину общества, разнородность фрагментов которого создает некий дополнительный объем социальной жизни. Нормы и ценности, в принципе принадлежащие разным системам, перемешаны даже в сознании и поведении одного человека, а степень приверженности к той или иной системе сильно разнится от человека к человеку.

Принято противопоставлять друг другу пронизанность традиционных отношений личными связями – и безличность повседневного городского общения; личный характер обязательств, контроля и ответственности – и формализованные системы должностных иерархий, формальную прописанность поведения в стандартных ситуациях врача и пациента, пассажира, контролера и водителя, покупателя и продавца. Но между этими двумя огромными структурами есть пространство современных личных – межличностных – отношений, особая система.

Письмо другу из прошлого

Теперь, кажется, пора сформулировать гипотезу воображаемого исследования.

Пункт первый. Дружба – форма межличностных отношений, которая сложилась или, по крайней мере, приобрела особую актуальность в период распада традиционных патриархальных систем, частично взяв на себя функции распадающихся отношений (защита, поддержка), частично реализуя новые функции (доверительность общения, сотрудничество в выработке новых идей, новых норм и ценностей, новых стратегий поведения).

Особенно остро в друзьях нуждались люди, сознательно или полусознательно пытавшиеся вырваться из традиционных отношений, противопоставлявшие себя старшим поколениям, не принимавшие их “заветов”. Интересом к личностям такого типа проникнут романтизм – с его культом дружбы. Таких типажей много во французских романах; это, скажем, персонажи “Человеческой комедии” Бальзака. Но, возможно, еще раньше такие отношения сложились и стали необычайно высоко ценимы в странах, которые раньше других продвинулись на пути к обществу современного типа (точнее – одного из современных типов): в Великобритании и Соединенных Штатах Америки.

Анализ множества английских и американских текстов XVI–XVIII веков показывает, что отношение к дружбе в англосаксонском мире той эпохи практически совпадало с нашим.

Как и в русской культуре, прежде от друга ждали помощи в беде, верности, преданности, дове-

рительных отношений. У англосаксов даже поговорки и пословицы на эту тему были такие же, как у нас. “A friend is never known till a man hath need” (друга не узнаешь, пока не попал в беду) – это пословица, предъявленная читателям Джоном Кейвудом в 1541 году, то есть к тому времени ставшая вполне общим местом. “A friend is not known but in need” (друга узнаешь только в беде), вторит ему Джордж Меритон в 1683 году. От противного о том же самом – поговорки “fair weather friend” (друг только на время хорошей погоды), summer friend (летний – ненадежный – друг) и так далее.

“Будь учтив со всеми, но близок с немногими и хорошенько испытай этих немногих, прежде чем удостоить их своего доверия, – писал Джордж Вашингтон в письме 1783 года. – Подлинная дружба – это растение, которое растет медленно, и она должна подвергнуться враждебным ударам и выдержать их, прежде чем заслужит это наименование”.

“Что такое друг? – спрашивал Фрэнк Крейн в трактате «Определение дружбы» XIX века. – Я расскажу вам. Это человек, с которым вы посмеете быть самим собой”.

Итак, историческое происхождение и культивирование дружбы в определенных социокультурных обстоятельствах – первый пункт гипотезы. Материалом могут стать, наряду с другим, такие документы, как письма Белинского друзьям и их ответы, которыми они обменивались, только что расставшись до завтрашней встречи, письма на многих страницах, запоздалые аргументы только что гремевших споров; западноевропейская литература XIX века, в которой описывался уже совершенно сложившийся и высоко ценимый тип отношений. Кстати, на этом материале можно описать разные варианты дружбы, которых, очевидно, не меньше, чем вариантов любви у Эриха Фромма: отношения собственнические и самоотверженные, иерархические и равные, инструментальные с одной стороны – и жертвенные с другой, и так далее, и так далее. Эти варианты точно и без романтической идеализации описаны Бальзаком, Диккенсом и прочими классиками. Их хорошо бы обсудить в дискуссиях на фокус-группах с современной молодежью, прежде как-нибудь ослабив их желание говорить возвышенными штампами.

Пункт второй: высокая ценность дружбы в русской и советской культуре частично может быть объяснена подавлением всех остальных систем общественной солидарности и любых форм свободной общественной жизни. В дореволюционной России – как и в других странах – это было связано с постепенным распадом традиционных систем

Чем выше образование – тем меньше людей, признавших, что у них нет друзей. Возможно, люди с высоким образованием более зависимы от общепринятой в интеллигентной среде системы ценностей и гораздо неохотнее, чем люди с невысоким уровнем образования, признаются в своем несоответствии принятым в этой среде нормам

отношений, в советской – резко усугублено противостоянием личности и тоталитарного государства и огромной опасностью такого противостояния для отдельного человека. К этому следует присовокупить сознательную политику советского государства на атомизацию общества, общий кризис доверия людей друг к другу – при особенно высокой потребности сохранения доверительных отношений, уверенности в помощи, поддержке.

Прочность дружеской страховки должна быть тем безусловней, чем больше опасность. Тоталитарное государство пронизано не только слежкой спецслужб, но и взаимной добровольной слежкой граждан, а немилость властей непредсказуема, поскольку логически и тем более юридически не мотивирована, поэтому напряжение опасности в нем – постоянно и потребность в страховке – тоже.

К сожалению, я ничего не знаю о дружбе интеллигентов в гитлеровской Германии. Я бы с огромным удовольствием прочла об исследовании дружеских связей в тоталитарных обществах, а также в нормальных западных обществах во время оккупации и Сопротивления – по многочисленным воспоминаниям, письменным и особенно устным, по опросам среди тех, кто еще остался. Легко предположить, что культ дружбы в интел-

лигентской среде оказался столь долговечен благодаря – по крайней мере отчасти – нашим историческим несчастьям. Грустно сознавать, что возможных собеседников для такого рода исследований становится все меньше и меньше, а исследований на эту тему тоже больше не становится.

“Друзья” – это уже особая социальная структура, помогающая выживать в трудных условиях, при серьезных политических, материальных, интеллектуальных, культурных ограничениях. Выживать и сохранять себя как личность. Интересно было бы узнать, как эта структура самовоспроизводилась и функционировала на разных этапах советской и постсоветской истории.

Еще интереснее было бы рассмотреть, какие функции, кроме защитной, выполняла эта структура. Например, тесные дружеские кружки на определенном этапе развития общества становятся главным, а может быть, и единственным источником социальных и нравственных инноваций, поскольку именно в дружеских спорах, обсуждениях, оценках, осуждении одних моделей поведения и утверждении других рождаются нормы, соответствующие новым задачам и новым условиям. В современном обществе условия, “правила игры” меняются постоянно, особенно если говорить о временах обвального устаревания норм и ценностей ушедшей эпохи.

Друзья познаются...

Пункт третий нашего воображаемого исследования.

Думаю, разные люди в разной степени способны на дружбу, и дружеские отношения вовсе не настолько распространены среди наших современников (в поколениях наших отцов и прадедов – тоже), как принято об этом думать. Во-первых, это отношения между личностями с достаточно богатым внутренним миром, с развитой способностью мыслить и чувствовать. Дружба – это взаимное глубокое доверие; как ми-

нимум надо иметь что доверить. Я полагаю, и потребность в доверии такого рода тоже предполагает определенную степень развития личности.

Во-вторых, дружба, особенно в нашей культуре, – система жестких взаимных обязательств. Не каждый человек готов взять на себя такие обязательства (у нас и ответственность за себя самого не слишком развита). Возможно, поэтому (и еще потому, что такая готовность подвергалась слишком частым и слишком суровым испытаниям) столь часто встречается у нас сюжет обманутых ожиданий в дружбе.

Отчасти это подтверждается в исследовании И. Шмерлиной, когда она обращается к обычной социологической процедуре – выясняет зависи-

мость наличия друзей от возраста, образования и места жизни. Автор пишет: “Данные <...> опроса свидетельствуют о том, что дружба широко распространена в разных слоях населения. Друзья или, по крайней мере, один друг есть у большинства людей, независимо от возраста, образовательного или имущественного

статуса, пола или места проживания”. И, завершая эту часть, повторяет: “Ни в одном из рассмотренных случаев нет оснований говорить о детерминирующем влиянии какого-либо фактора на наличие или отсутствие у человека друзей. Речь идет не более чем о слабых зависимостях”.

Вроде бы правда: 84% опрошенных заявили, что у них есть друзья, и всего 16% – что их нет. Но дружба в нашей культуре была и до сих пор остается очень высоко ценимой и высокостатусной. Я не знаю, кого считали своими друзьями отвечавшие. Их ответы сами по себе – интересная информация, но, возможно, не всегда о том, сколько у них друзей на самом деле, а порой о том, сколько друзей, как они считают, необходимо иметь.

Теперь займемся поразительной откровенностью тех, кто признался, что друзей у них нет. Вот тут обнаруживается жесткая зависимость: чем выше образование – тем меньше людей, признав-

шихся, что у них нет друзей. Возможно, это правда. Возможно также, что люди с высоким образованием более зависимы от общепринятой в интеллигентной среде системы ценностей и гораздо неохотнее, чем люди с невысоким уровнем образования, признаются в своем несоответствии принятым в этой среде нормам. Это непринципиально. Важно другое: уровень образования косвенно связан с уровнем развития личности и прямо связан с принадлежностью к определенной социальной среде, в которой ценность дружбы, по моему, особенно высока. Посмотрите на цифры: в том, что у них нет друзей, признались 51% респондентов с образованием начальным и ниже, 30% – с неполным средним и всего 10% людей с высшим и неоконченным высшим образованием. Ничего себе “слабая зависимость”!

Интересный результат получился и при сопоставлении жителей мегаполисов, у которых нет друзей, с такими же жителями больших и малых городов и сел: 7% против 18%! Тут мы соприкасаемся с огромным накопленным социологами материалом по урбанизации, который очень хотелось бы рассмотреть под интересующим нас углом зрения – можно не ограничиваться литературными и историческими текстами, а опираться на развитую теорию и практику социологических исследований. Может быть – конечно, может и не быть, но я надеюсь, – перед нами предстанет сам процесс постепенного вытеснения традиционных отношений современными межличностными. Легко предположить – и это тоже часть нашей гипотезы, – что человек, оказавшийся погруженным в мир анонимных и формализованных отношений, начинает выстраивать вокруг себя (сам выстраивать, ничего такого ему не дано) поле личностных связей разного уровня, потому что испытывает в этом острую потребность. Дружеские, приятельские, товарищеские отношения необходимы ему в той или иной конфигурации на разных этапах личной биографии; знать бы еще, какие именно и на каких именно этапах.

Наконец, пункт последний нашей гипотезы, который, как мне представляется, очень важно проверить.

Проследившая американский путь постепенной девальвации некогда высокой ценности, Анна Веж-

бицкая приходит к выводу: логика исторического развития такова, что США, дальше других продвинувшиеся в этом развитии, демонстрируют нам наше будущее. Исключительное положение дружеских отношений в российской и советской жизни связано с исключительностью исторической судьбы страны; по мере нормализации жизни, развития в России всего богатства возможных общественных связей, они со временем потеснят связи межличностные и снизят их значение.

Мало того что такой вывод мне не нравится – я в него не верю. Как не верю в одну-единственную столбовую дорожку этого самого исторического развития. Мне кажется, культура человечества содержит в себе огромное количество разных вариантов исторической судьбы.

Конечно, пока это только декларация. У меня очень мало материала, который хотя бы условно можно считать доказательством. Но по моим наблюдениям – личным, а не исследовательским, – молодые люди, почти не заставшие советской власти, чуждающиеся политики и глубоко к ней равнодушные, занятые семьей и карьерой, ориентируются в странном и только складывающемся на их глазах и с их участием мире исключительно по дружеским связям. Они берут на работу друзей не только потому, что с друзьями работать приятнее, но еще и в большей степени потому, что доверяют только друзьям, а к работе относятся серьезно. В критические моменты они апеллируют к друзьям и твердо рассчитывают на их помощь. Они не время от времени заглядывают друг к другу в гости, как это принято, скажем, в Америке, они просто живут вместе практически изо дня в день – вместе ходят в кино, слушают музыку, ездят в отпуск, бесконечно разговаривают друг с другом по телефону.

Конечно, это мой личный опыт, весьма ограниченный. Но я действительно полагаю, что в неких общих рамках довольно ограниченного числа универсальных закономерностей каждая культура развивается по-своему, и уникальная ценность дружбы в русской культуре, уникальный социальный институт дружеских отношений стали неотъемлемой частью нашего варианта общественного развития.

Разумеется, все это еще надо доказать. ■